

АРХИВ

Гринберг Анна Филипповна (1882–?). В словаре «Советские детские писатели» приведена небольшая биографическая справка об А. Ф. Гринберг, среди прочего сообщается, что свою профессиональную деятельность она начала в киевском журнале «Ковер-самолет», где были опубликованы ее «Короткие рассказы» [Советские детские 1961, с. 109].

В 1925 г. уже в Москве под ее редакцией выходит несколько книг, составленных из текстов, написанных детьми. Они посвящены трем темам: беспризорники, Ленин и жизненный опыт детей. Интерес к самостоятельному детскому творчеству — характерный признак середины 1920-х гг., он тесно связан с авангардистским пониманием ребенка: литературное творчество ребенка самоценно и может быть рассмотрено как равноправное взрослому¹. У «Детской книжки о своем» в подзаголовке указывается, что это «книга о советской детской жизни, написанная самими детьми». Во вступлении составитель пишет:

Со времени октябрьской революции во всех детских учреждениях, по всему Союзу Советских Республик, собралось множество детских журналов, сборников, стенных газет, записей, протоколов, коллективных дневников, стихотворений, статей и даже научных докладов. Эти детские литературные работы могли бы составить целые тома, которые показали бы совершенно новую детскую жизнь: быт детдомов, колоний, клубов, лесных школ, санаторий, детское коммунистическое движение, новые праздники; всего не перечислить.

Между тем мы до сих пор не имеем книги, которая словами самих детей изобразила бы нынешнюю детскую жизнь [Гринберг 1925, с. 3].

В жанровом отношении это подборка натуралистических детских рассказов, написанных от первого лица: о смерти родителей, о войне и скитаниях, о любимых курах; например, в мемуарной зарисовке «Памятный день моей жизни» рассказчик повествует, как он однажды играл на железнодорожных путях и проходящим поездом ему отрезало ноги.

Такая же «установка на достоверность» и в сборнике «Рассказы беспризорных», вышедшем в издательствах «Молодая гвардия» [Гринберг 1925а] и «Новая Москва» [Гринберг 1925б]. Это обработанные А. Гринберг зарисовки быта беспризорных, собранные в тематические блоки: О своей прежней жизни, Война, Голодные годы,

Гражданская война. В отличие от первого сборника, здесь сильнее чувствуется идеологическая шлифовка: жизнь беспризорников сурова, они — жертвы социально-исторических обстоятельств и т. д.

Совершенно другую картину дает сборник, вышедший в том же 1925 г. под названием «Беспризорники. Несколько походов» в издательстве Г. Ф. Мириманова. В этом издании беспризорники — шалуны и праздные гуляки: в рассказе «Прогулка в Зоологический сад из детского питомника» описан побег беспризорных ребят в зоосад: как сбежали из детприемника, как ехали зайцем на трамвае, как пролезли через забор в зоосад. Общая редакторская интонация: если не умиления, то в целом понимания, никакой критики авантюристичной модели поведения нет. В «Охотничьих приключениях одного мальчика» рассказчик делится своими впечатлениями от охоты: ради забавы убивает зайца и птиц, шатается празднично по полям и болотам и резюмирует: «Еще поохотился, побродил и, наконец, отправился домой» [Гринберг 1925в, с. 17]. В третьем рассказе «Украденный цыпленок» один из героев и вовсе ворует на спор цыпленка.

Два варианта сборника о беспризорных отражают две основные конкурирующие тенденции детской литературы середины 1920-х гг.: авантюристический и бытоописательский нарратив. Именно первый тип нарратива за аполитичность будет критиковать сама Анна Гринберг уже через год — в статье 1926 г., которую мы публикуем ниже. Впрочем, складывается впечатление, что миримановское издание — единственная дань самого критика авантюристической повествовательной традиции.

В еще одном сборнике «Ильич. Детские рассказы и стихи о Владимире Ильиче Ленине» [Гринберг 1925г] собраны материалы детской письменности из детского дома Моссовета, школы дозаводского ученичества при заводе «Красный каучук», артель-школы подростков «Юность», клуба «Детский уголок», трудовых школ, детского сада Детского Городка имени III Интернационала и др. Значительное число текстов — реакция семьи ребенка-рассказчика на смерть Ленина. Установить степень редакторского вмешательства в детские стихи, заметки и т.п. не представляется возможным, хотя очевидно, что такие разыскания могли бы прояснить представления Анны Гринберг о естественном детском творчестве, например, рассказ, под заголовком «Про Ленина» (автор не указан): «Ленин любил ловить рыбу. В жаркий день он возьмет удочку и сядет, бывало на бережок и все думает, как бы улучшить жизнь рабочих и крестьян» [Гринберг 1925г, с. 47].

Во второй половине 1920-х Анна Гринберг публикует несколько сборников пьес, предназначенных для детских самодеятельных театров [Гринберг 1927; Гринберг 1930; Гринберг 1930а]. В сборники вошли произведения Н. Г. Смирнова, Р. Акульшина, А. Иркутова, Н. Тихонова, Ю. Болотова, О. Лятковской, М. Соболевой и других авторов на общественно-политические (история революционной борьбы, антирелигиозная пропаганда, МОПР и т. п.), санитарно-гигиенические темы и тему интернациональной дружбы (инсценировка по Н. Тихонову «Сами — индусский мальчик»). Анна Гринберг во вступлении с сожалением оговаривает, что ей не удалось включить в сборники «свободной детской драматизации» [Гринберг 1927, с. 4]. Интерес исследовательницы к детской импровизации — будь то рассказы о Ленине или выступления на сцене — к началу 1930-х гг. уже не сможет реализоваться: педагогические приоритеты переориентируются на «организованные формы» детского творчества.

Анна Гринберг выпустит еще две книжки о покушении и смерти Ленина [Гринберг 1929; Гринберг 1930б; Гринберг 1930в; Гринберг 1930г], они представляют собой характерные образцы книжных фотоколлажей рубежа 1920–1930-х гг. (автор коллажа С. Сенькин). Рассказчик предельно близок к языку газеты-малотиражки, предназначенной неопытному читателю, в том числе ребенку. Авторский текст в них предельно прост, телеграфно-просторечная стилистика — один из последних экспериментов Анны Гринберг в области создания книг для детей, написанных «под детский читательский запрос». В аналогичной стилистической манере в том же году написана книжка о становлении революционного движения в России [Гринберг 1930д]: «Александр III ехал в Петропавловский собор. На улице его поджидали революционеры. В руках у них была бомба. На бомбе был переплет от старого словаря. Бомба была похожа на книгу. Революционеры были студенты» [Гринберг 1930д, с. 37].

В 1928 году вышел ее рассказ «Рыбий жир», в жанровом отношении представляющий собой сплав научно-популярного очерка 1920-х и нравоучительного повествования начала XIX в. Героиня рассказа не хочет принимать рыбий жир, и тогда мать назидательно-устрашающе говорит ей:

Хорошо. Ты не будешь принимать рыбий жир, у тебя будут лопатки как крылышки, а руки как палочки, ноги худые и хилые, спина будет кривая, глаза будут красные, а уши будут прозрачные, а уши будут прозрачные, страшные, желтые. Не пей, не пей, рыбий жир [Гринберг 1927а, с. 13].

В 1930-х гг. Анна Гринберг — составитель санитарно-просветительских брошюр и методических писем Управления детских домов НКП РСФСР [Гринберг 1936]. Сведений о ее дальнейшем профессиональном пути обнаружить не удалось.

Ниже мы публикуем статью Анны Гринберг *О новой детской книге и ее читателе* (Народный учитель. 1926. № 9. С. 96–99). В статье исследовательница подвергает жесткой критике новейшую «пионерскую литературу» и в качестве альтернативы дает образцы «живой речи» детей. Такое противопоставление органично вписывается в ее собственное профессиональное кредо: «настоящая, горячая, крепкая, талантливая, советская, новая детская книга» — это книга, написанная самими детьми².

С. Маслинская

О НОВОЙ ДЕТСКОЙ КНИГЕ И ЕЕ ЧИТАТЕЛЕ

«Красные дети на белом свете», «Юный пионер»,
«Пионерам о мае», «Пионер в деревне»,
«Пионеры пришли», «Пионерский устав»,
«Театр юного пионера»,
«Джимми Джой в гости к пионерам»,
«Как Ванька пионером стал»

(Обложки детских книг в окне книжного магазина)

Любая книжная витрина свидетельствует о том, как зорко приглядываются работники детской книги к новшествам детской жизни, как цепко овладели они всеми внешними признаками, приемами и символами советского детского быта, как прочно претворили его в литературную моду.

Но достаточно ли им знакомо внутреннее содержание этой новизны? Отражают ли они сущность и значение ее?

Нет. Мало знакомо и слабо отражают. И можно с уверенностью сказать, что чем оживленнее бьет в пионерский барабан автор, тем менее осведомлен он о пионерстве. Чем настойчивее повязывает он собачке и слону красный галстук, тем менее причастен он к пониманию детского коммунистического движения. Чем ожесточеннее твердит дошкольнику о борьбе с капиталом, тем менее дорожит классовым воспитанием. Чем трогательнее повествует о бедном беспризорнике, стремительно возрожденном к новой жизни усилиями детей и руководительницы детского дома, тем основательней заблуждается относительно быта беспризорных и порядков детского учреждения.

К этому следует прибавить: чем увлекательнее рассказывает автор о ликвидации шайки деревенских кулаков и самогонщиков пионеркой, приехавшей на лето в лагерь, тем менее одарен он художественным вкусом и чувством меры.

Если автор детской книги — мастер и спец довоенного качества, он органически далек от современности. Коллективный быт детской коммуны на его вкус — вредная затея; трудшкола — очаг невежества и рассадник безграмотности, пионер-организации — напрасное чудачество. Он помнит прежнего читателя, основного потребителя бывшей детской книги, — балованного, начитанного малыша из интеллигентской семьи, ребенка-эрудита, тонко осведомленного с дошкольных лет о бегемоте, о кенгуру и об Африке. Этот автор привык развлекать, забавлять, потешать. Он блестящий затейник, чуждый пролетарскому ребенку, чуждый деревенскому читателю, чуждый интересам детей, организованных в коллектив. Впрочем, этот автор не вламывается в современность: у него есть вкус и чувство стиля; он остается в прежних литературных пределах, он отстаивает право на существование испытанных приемов и старых сюжетов. Если когда-нибудь и он включит в круг своих персонажей пионера и октябренька, то, очевидно, в качестве нового изыска, иной экзотики: пионер и октябренок — своего рода кенгуру и крокодил СССР.

Но если автор детской книги — мастер средней руки, он будет неистощим в обращении к современности. Свою книжку он назовет «Будь готов» (или «будет готов») и заключит ее следующей проникновенной речью воспитанника детского дома к беспризорному воришке, застигнутому на месте преступления: «Мы никем не гнушаемся, мы зовем к себе всех, со всего мира. Но только, кто наш, тот должен много работать, много учиться, быть строгим к себе».

Быть может, обуреваемый еще более современным замыслом, другой мастер средней руки составит книгу «Слушали — постановили», где старательно и добросовестно перечислит: «слушали — о шуме, который бывает в классе, потому что всегда спорят...», «о Феде Иванове и Ване Смирнове, которые разорjali гнезда», «о битье собак и кошек», «о вытирании ног в сенях, когда приходят...». А на последней странице, под иллюстрацией, где вокруг чахлой руководительницы собраны отчаянно раскрытые детские рты, он умело и ловко скрасит унылую будничность по-взрослому переваренных постановлений и решений заключительной сильной строкой: «После ребяты все встали и спели Интернационал».

Если автор благонамерен и убог, он напишет книгу под названием «Как Ванька пионером стал», испещренную флагами, косынками, лозунгами, серпами и молотами. Книжку он закончит так: «И пошел Ванька домой с красным галстуком на груди, идет-идет, да остановится, опустит голову на грудь и рукой галстучек попробует: цел ли он и крепко ли сидит. Идет и раздумывает, а в ушах его так и звучат слова парнишки: «будь готов». Ванька шевелит губами и тихо отвечает себе вслух: «Всегда готов».

Если автор более игрив и изобретателен, он выпустит из печати книжечку «Джимми Джой в гости к пионерам» (с международным уклоном, в стихах). В ней иностранный мальчик Джимми, спрятавшись в чемодане отъезжающего отца, незаметно едет в Ленинград. Предварительно он говорит так: «В Ленинграде пионеры в барабаны громко бьют. У меня платочек серый, они красный мне дадут. Дядя Томас мне читал, приносил вчера журнал: у них красные платочки, на платочках — узелочки, у них звонки барабаны, барабаны во все страны».

По приезду в Ленинград оказывается, что

Везде красные платочки.
На платочках — узелочки,
Груш и яблоч катят бочки,
Возят тачками ириски,
Всем дают по полной миске.

Кроме того:

На крыше манифест:
1. Джимми семечек не ест,
2. Моет руки до еды,
3. И не пьет сырой воды.

Если автор — спец по дошкольникам, то его бойкое перо исчертит книгу такими стихами:

Нынче никому не спится —
Барабан с трубою снится:
тран-тран, та-ра-ран.
Что за звонкий барабан!

И дальше:

Пионеры к нам придут.

Затем:

Знамя будет
Ярко- красное.

— Принято?
— Единогласно!

И еще:

— Мы нарисуем большой портрет
Ленина мальчиком в 7 лет;
На картоне
Кистью, краской.
— Принято?
— Единогласно!

Наконец, если еще более непритязательному автору и совсем невзыскательному издателю нужно просто выпустить из печати ходкою книжонку, они, не задумываясь, всунут зайцу в лапы красное знамя, а дятлу барабан, воробьи у них чирикнут: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а иллюстратор завершит дело, раскидав по страницам флажки и красные звезды.

Такова работа той группы деятелей детской книги, которую следует считать правой, несмотря на ее порою крайнюю левизну. Ибо так понимать обслуживание нового детского читателя, так безутешно обесцвечивать новое содержание и новые формы, так непреклонно обращать в пошлость и факты, и мысли, и символы, — так работать могут только люди, далекие от истинных интересов нового строительства. Потому ли, что в них сильна приверженность к прошлому, потому ли, что они бессильны, беспомощны, немощны в настоящем...

В левой группе — другая крайность. Если писатели идейно-старые недооценивают детского читателя и подходят к нему не иначе, как с погрешкой, ужимкой, потехой, то авторы, по-новому преданные новому, преувеличивают в обратную сторону: их работа рассчитана на окончательную политическую зрелость читателя.

Комсомолец-составитель детского сборника почти не смотрит на своих читателей, как на детей; они для него — та «смена борцов», которую он обязан спешно воспитать и вывести в бой. Он торопится набить свой сборник всем для этого необходимым: здесь и постановления, и съезды, и речи, и цитаты; ни примечаний, ни пояснений, ни конкретных примеров; сведения, перечисления, агитационные лозунги. Художественного опыта у автора нет, вопросы формы он мало культивирует; пожалуй, в этом он даже несколько консервативен. Отдавая дань «хорошему стилю» в литературе, он, например, вспомнит, где следует, о пейзаже, о тучах, о сосне. В той части книги, которая касается быта, у него свирепствует голая описательность. В главе о беседе у костра он не забудет ни мачты,

ни палатки, ни сигнала, ни дежурного, он не опустит ничего столь избитого кострового ритуала. Для оживления повествования он вложит в уста вожатого несколько бодрых и бойких выкриков. Но, дойдя до единственно-нужного и ценного момента, до того места, которое можно, наконец, литературно использовать для подлинного политвоспитания читателя, для пропаганды, для осведомления, для того, чтобы вложить живое содержание и в международные лозунги, и в пресловутую борьбу с капиталом, и в самый обряд беседы у костра, — дойдя до того места, где вожатый стал рассказывать о жизни пролетарских детей в капиталистических странах, он с хладнокровной опытностью бывалого писателя прерывает рассказ и степенно заканчивает его традиционным замечанием о том, как усталые, но довольные (чем?) пионеры отправились по палаткам спать. Не думайте, что вы встретите здесь хотя бы маленькую реальную — столь дорогую детскому читателю — подробность палаточного быта; зато вы прочтете убедительные рассуждения о трудовой помощи крестьянской старушке в беднейшей избе соседней деревни. При срочном устремлении автора к воспитательной обработке читателя эти рассуждения вполне заменят ему факты, в лучшем случае он даст слова о фактах.

Другим молодым пионер-писателем владеют замыслы красно-го приключенчества. Язык его лих и разудал: подвиги пионеров чрезвычайны; для поднятия настроения разговоры действующих лиц пересыпаны бодрящей бранью; о том, что кроме шамовки, существует еще и еда автор забыл окончательно; если пионер вздул неорганизованного обидчика, то зрители говорят: «Ловко ты его отчиклешил».

Но когда вместо комсомольца автором детской книги является по-новому убежденный педагог или общественник, то он к 1-му мая напишет книгу — аллегорию «Про высокую гору и маленькие ручейки», где не найдется ни одного горячего слова, ни одного живого факта, ни одной реальной подробности из всей многострадальной и победной истории Маев.

Аллегорические ручейки подкапываются под каменную гору (явный капитал!):

«Мы тут, тут, тут»,
Твердили они.
«Мы копаем, копаем, копаем»,
Отзывались другие.
«Нам душно, душно, душно»,
Захлебывались где-то третьи».

Разумеется, ручейки работают коллективно, и ясно, что каменная гора начинает шататься. Но для кого написана эта «первомайская сказочка»? Детям постарше вместо бескрылых слов о ручейках и камнях, наверное, было бы интересней услышать какую-нибудь настоящую правду и живую подробность о мае. А дети помоложе, пожалуй, просто и нежно поверят в ручейки, зернышки, полянки, цветочки и, когда настанет «1-е мая в этом году», захотят, по совету автора «узнать у ручейков» и «прислушаться хорошенько к тому, о чем они будут говорить».

Среди новых детских писателей и иллюстраторов есть свежие силы, прочно враждебные устаревшим традициям детской литературы. Они ищут новых путей, считаясь с новым бытом, новыми интересами, новыми приемами обучения и воспитания. Но и они переоценивают серьезность читателя. Их книги интересны и новы, но они суховаты, они строги, они рассудочны, в них мало живой жизни; слишком много и часто в них слова и рисунки — схемы. Свою книжку эти авторы назовут просто, сжато, деловито, например: «Почему не было баранок». И в этой книжке, в кратких срочных главах, пробегут с мальчиком — действующим лицом — от пекаря к мельнику, от мельника к крестьянину, на завод, на рудник, на войну и т.д. Они не дадут ни мальчику, ни читателю ни остановиться, ни передохнуть, ни полюбоваться, ни подивиться, ни засмеяться, ни расцветить свой собственный узор. Вот срединная глава в стройном ряде стремительных глав туда и обратно — от пекаря на фронт и с фронта в пекарню, к калачам и баранкам:

Бой за нефть

Прибегает мальчик на нефтяные прииски. Там стрельба. Стоит бронепоезд. Ходят красноармейцы с ружьями.

— Здравствуйте, — кричит мальчик. — Что вы здесь делаете?

— Воюем.

— А зачем?

— Долго объяснять.

— Ничего, я не спешу. Говорите.

— Нефть у врагов отбиваем. Пришли они в нашу страну и хотят нефть забрать.

— Да ведь она и нам нужна.

— В том-то все и дело. Поэтому мы и стрельбу открыли.

— И долго еще воевать будете?

— Нет, не долго. Отступает неприятель. Вот еще раз сто выстрелим, он и совсем побежит.

— Ладно, — сказал мальчик и сел. — Воюйте, я подожду. Видно, все дело в войне.

Такова новая детская литература. А в стороне от нее, сам по себе — новый читатель. Конечно, как и прежний, он способен

восхищаться всем и всякой книгой, — и по-новому дряхлой, и по-старому новой. Но то, что он пишет и рассказывает сам, не похоже ни на одно, ни на другое.

Вот корреспонденция провинциальных школьников в газету «Гудок»:

Мы, дети школы 1 ступени станции Новобелица западных железных дорог, занимаясь в вечерней смене при керосиновом освещении, теряем 30% производительности работы. Во-вторых, из доклада заведующего школой ясно, что отдел просвещения отпускает средства на улучшение освещения школы. В-третьих, линия от нас всего в 100 саженьях; присоединиться плевое дело. Мы полагаем, что не может быть никакого просвещения без освещения. Итак, даешь электричество, — ясно, как таблица умножения.

Дети

А вот стихотворение беспризорного из стенгазеты в доме дневного пребывания при ночлежке:

Ночь в ночлежке

С вечера в ночлежке
Как будто бы все спят,
И лишь в углах тихонько
Друг с другом говорят.
Но вот ушел дежурный
И все меняет вид,
Всего прошло мгновенье,
А дело уже кипит.
Лежавшие под койкой
На койке уж сидят,
И денежки веселые
Орлами вверх летят.

Похож ли этот «лежавший под койкой» на беспризорного из сладкой книжки «Будет готов»?

Вот коллективная запись «Из занятий по огороду» учащихся 3-й группы опытно-показательной московской школы:

Работа в огороде в конце июня

В эти дни мы наблюдаем полку сорных трав. Морковь так густо заросла лебедой, мокричкой и другими сорными травами, что ее совсем не было видно. Пололи женщины руками, а для полки междугрядий употребляли ручной планет; им подрезали траву и взрыхляли землю. Борьба с сорняками приходится все лето, чтобы они не заглушили огородные растения и не отнимали у них влагу и пищу. 28-ого июня женщины окучивали капусту цапками. Ранняя картошка была тщательно окучена окучником и цвела. Помидоры отцветали, и на некоторых кустах висели еще зеленые плоды.

Чистоте, спокойствию, прозрачности, ясности этого огородного пейзажа может позавидовать любой детский писатель.

А вот что рассказывает советская семилетка, придя домой из детского сада:

Я сегодня была председателем. Все сели, а мне не хватило стула; я сказала: Вера Петровна, можно мне быть председателем? Она сказала: можно. Я стала давать слово. Табуська думала-думала, да как ничего не скажет! За нее сказал Коля: как смотреть за раздевальной. Я сказала: А если пальто оборвется и с вешалки упадет? Что ты тогда сделаешь? Он сказал: Я положу на скамейку.

Похоже ли это на сумрачные, скудные, мертвенные «Слушали — постановили» из детской книжки?

А если советскому шестилетке придется присутствовать при взрослом разговоре в комнате на Арбате, где открыто окно, звонит трамвай, гремит автобус и заливаются церковные колокола, заглушая все голоса говорящих, — он пройдет к подоконнику и, обращаясь сдержанно к кому-то явно отжившему, но, по-видимому, еще существующему, скажет вежливо и снисходительно в открытое окно: «Бог, перестаньте, пожалуйста, шуметь».

А как увлекательно играет он, вернувшись из детского сада, где, по словам злых языков, он 8 часов занимается политикой! В уплотненной квартире, где не следует мешать взрослым, он жарко шепчет над коробочками, корзиночками, веревочками, лохмотками, которые в никому не ведомом замысле он тащит связанными, скрепленными, свитыми, сверченными за собой. Возле стула у него точно обдуманная остановка, и слышен таинственный, взволнованный шепот: «У них ничего нет, — ни пушек, ни ружей, ни даже кишки. Мы будем поливать в них, мы будем стрелять». Внезапно картина меняется, — сухое, служебное, бесстрастное указание: «Остановка Красная площадь. Все выходят, кроме фашистов». Ледяной голос обращается в сторону стула: «Фашист, вы не выйдете из трамвая». И дальше — увлекательная смесь политики и медико-санитарных навыков: малыш бормочет, шепчет, повторяет, распределяя за собой на веревочке несуществующие группы невидимых существ: «Все, кто помазаны йодом, идут за мной. Фашисты остаются».

Иногда он любит вспомнить Ленина; он болтает; ему кажется, что похороны, смерть, мавзолей и траурные знамена — неперменные и особо обаятельные атрибуты вождей; он спрашивает о Троцком, о Крупской, о Фрунзе и, наконец, легко и нежно вздохнув, говорит лукаво: «Охота умереть как!»

Таков читатель. Еще нет той настоящей, горячей, крепкой, талантливой, советской, новой детской книги, которой он ждет. Но она не может не явиться.

Примечание

¹ Ср. сходное понимание детского рисунка: *Флоран А.* Как рисуют дети. СПб.; М.: т-во М. О. Вольф, 1903; *Художественное творчество детей.* О «Нашем журнале» [Приложение к «Нашему журналу»]. Петроград: Свободное искусство, 1916; *Искусство детей.* Л.: Изд-во ленинградского областного союза советских художников, 1935. См. также современные исследования: *Молок Ю. А.* Детский футуризм (Собственные рисунки детей глазами художников «Мира искусства» и футуристов) // Н. Гончарова. М. Ларионов. Исследования и публикации. М.: Наука, 2003. С. 208–218.

² Выражаю признательность Любови Алейник и Евгению Лекаревич (СПбГУКИ) за подготовку текста к републикации.

Источники

Гринберг 1925 Детская книжка о своем: Книга о советской детской жизни, написанная самими детьми / сост. Анна Гринберг. Ростов-на-Дону: Госмастерская педтеатра, 1925.

Гринберг 1925a Рассказы беспризорных / Рассказы, написанные самими беспризорными. под ред. Анны Гринберг. М.; Л.: Молодая гвардия, 1925.

Гринберг 1925б Рассказы беспризорных о себе / сост. Анна Гринберг. М.: Новая Москва, 1925 (Б-ка «Вестник просвещения»).

Гринберг 1925в Беспризорники. Несколько походов / сост. Анна Гринберг. М.: Издание Г. Ф. Мириманова, 1925.

Гринберг 1925г Ильич: детские рассказы и стихи о Владимире Ильиче Ленине / сост. Анна Гринберг. М.: Новая Москва, 1925.

Гринберг 1927 Детские постановки: сб. пьес и инсценировок / сост. Анна Гринберг. М.: Работник просвещения, 1927.

Гринберг 1927a Гринберг А. Рыбий жир (рассказ) / рис. Ю. Росского. М., Работник просвещения, 1928 (Читальня советской школы).

Гринберг 1929 Гринберг А. Рассказы о смерти Ленина / фотомонтаж С. Сенькина. М.; Л.: ГИЗ, 1929.

Гринберг 1930 Детские постановки: сб. пьес и инсценировок / сост. Анна Гринберг. М.: Работник просвещения, 1930.

Гринберг 1930a Второй сборник пьес и инсценировок / изд. 2-е.; сост. Анна Гринберг. М.: Работник просвещения, 1930.

Гринберг 1930б Гринберг А. Покушение на Ленина / фотомонтаж С. Сенькина. М.; Л.: ГИЗ, 1930.

Гринберг 1930в Гринберг А. Рассказ о смерти Ленина / фотомонтаж С. Сенькина; 2 изд-е. М.; Л.: ГИЗ, 1930.

Гринберг 1930г Гринберг А. Рассказ о смерти Ленина / фотомонтаж С. Сенькина; 3 изд-е. М.; Л.: ГИЗ, 1930.

Гринберг 1930д Гринберг А. Цари и революционеры / рис. А. Брея. М.; Л.: ГИЗ, 1930.

Гринберг 1936 Летние оздоровительные мероприятия в дошкольных детских домах / сост. Анна Гринберг. М.: Наркомпрос, 1936.

Желобовский 1927 Желобовский И., Рубцова П. Детская литература: справ. для школ 1 ступени. М.: Работник просвещения, 1927.

Советские детские 1961 *Советские детские писатели:* библиогр. словарь (1917–1957). М., 1961.